

A decorative border of vibrant green leaves frames the top and right sides of the page. The leaves are detailed, showing veins and varying shades of green.

Евения Баранова

**ЗЕЛЕНый
ОТСЧЕТ**

(перездание)

Евгения "Джен" Баранова

Зеленый отчет

переиздание

Московская обл., г. Ногинск
АНАЛИТИКА РОДИС
2014

ББК 84(2Рос=Рус)

Б24

Баранова Евгения

Б24 Зеленый отсчет. Стихи, проза / Е. Баранова – Московская обл., г. Ногинск: АНАЛИТИКА РОДИС, 2014. – 102 с.

ISBN 978-5-905277-49-8

Книга, которую вы держите в руках, является коллекционным переизданием первого сборника известного поэта Евгении "Джен" Барановой, включающим в себя поэзию и прозу 2003-2006 гг. Первоначально "Зеленый Отсчет" был доступен исключительно в электронной версии.

ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-905277-49-8

© Е. Баранова, 2014

Об авторе

Евгению Баранову увидела на конкурсе впервые. Несколько строк меня просто поразили. Впервые ощутила бездну между поколениями поэтов. Лёгкость и свобода обращения с русским языком, и в то же время – стройность мыслей, образов, иногда – чуть резковатых, угловатых, как мне показалось. Но поэзия цепляет. Редкий случай ведь – такое острое социальное звучание, как в русском рок-н-ролле.

Светлана Осеева, литературный критик, писатель, член жюри Международного поэтического конкурса "Серебряный Стрелец", 2008 год.

Не только надрыв переживаешь, читая рассказы, но и счастье безграничной свободы, нескованности даже инстинктом жить.

Соломон Воложин, литературный критик (Израиль), 2005 год.

Ассоциировать Женю исключительно с молодежью – значит нивелировать общее значение ее творчества. Протестуя против всего манерного, риторического, жеманного и фальшивого в искусстве, она, тем не менее, НИКОГДА не опускается до грубого стеба, до того brutального эпатажа в литературе, которым зачастую пестрят постмодернистские тексты. Здесь мы видим яркое морально и эстетически здоровое проявление нового авангардизма, продолжение на высоком профессиональном уровне приемов и традиций, заложенных в "Серебряном веке", но без подражания и копирования, а на новом диалектическом витке развития литературы... Самурайская поэзия. Поэзия в вечном тылу врага.

Евгения Бильченко, поэт, профессор кафедры культуры и философии НПУ им. М.П. Драгоманова (Киев), 2010 год.

Попытка биографии

Имя: Евгения «Джен» Баранова.

Род деятельности: поэт, прозаик, журналист

Дата рождения: 26 марта 1987.

Родной город: Ялта.

Среди прочего:

финалист Международного лит. конкурса "Илья-премия" 2006;

победитель Международного лит. конкурса "Серебряный стрелец" 2008

(Поэзия, 2-ая премия);

победитель Международного лит. конкурса "Согласование времен" 2010

(Поэзия, 3 место);

победитель Международного конкурса короткой прозы "СТОСЛОВИЕ" 2010

(Проза, 2-ая премия);

дипломант Международного лит. конкурса "Лужарская Долночь" 2013;

участник Международного фестиваля поэзии "Киевские Лавры" 2009-2013 гг;

судья Международного поэтического конкурса "Провинция у моря" 2013-2014 гг;

судья Международного поэтического конкурса "45 калибр" 2013-2014 гг.

Побеждала (фестивали):

"Альгамбра" 2003 (Симферополь);

"Подкова Пегаса" 2006 (Винница);

"Синани-Фест" 2008 (Ялта);

"Фокус" 2010 (Харьков);

"Ватерлиния" 2012 (Николаев).

Выступала:

Одесса, Львов, Николаев, Днепропетровск, Киев, Луганск, Симферополь, Донецк, Херсон, Ялта, Севастополь, Евпатория, Харьков, Винница, Коктебель и др.

Публиковали:

"Контрабанда", "Лампа и дымоход", "Новая реальность", "Каштановый дом",

"Дети Ра", "Южное сияние", "Новая Литература", "45-параллель", "Пролог",

"Журнал Поэтов", "Гостиная", "Литература", "Склянка Часу", "Окно"(Ирландия),

Edita (Германия) и так далее.

Запомнилось:

Литературно-просветительский тур с проектом "Из жертв в ликвидаторы";

Собственный презентационный тур с книгой "Том 2-ой" по Украине (11 городов).

Книги:

Зеленый Отсчет (2009).

Том 2-ой (2012).

ТЕКСТЫ

Гарсия Лорка

Меня расстреляли вчера на рассвете.
Под хохот Валенсий,
под храп
Андалузий. Меня расстреляли.
Но может ли ветер
погибнуть,
картечью заправленный в узел?

Меня расстреляли.
У края сарая.
Как позже – Гевару.
И в тридцать шестом
земля закачалась
и, звезды ломая,
заплакала мелко
раздробленным ртом.

Меня расстреляли.
Но разве не знали,
что песню не спрячешь:
ни в грязь, ни в шелка.
Меня расстреляли.
Меня растеряли.
Меня разменяли на – пыль и века!

Питерское

Здравствуй, Питер!
Гранит в кефире!
мостовые
в узорах шин!
Здравствуй, сердце!
– глаза пошире –
расстучалось:
удар – нажим.
В перепутьях
заливов-финок,
в перекрестках
фонтанных струй
долгожданный веду поединок
за единственный поцелуй
Белой Ночи.
Прозрачность линий,
колоннады,
дворцы,
шуты.
В Петропавловском равелине
не истерлись
еще
следы
Таракановой...
Будто шкура,
воздух выдублен
влагой,
солью

И в ладонях,
                                глазах,
                                фигурах –
утонченное малокровье.
Петербург!
                                Забирай румянец!
                                Поделись
                                вековым покоем.
Твоих улиц
                                жемчужный глянец
нарекаю своей судьбою.

* * *

Бог сохраняет все. Особенно слова

Иосиф Бродский

Лист тянется к земле под тяжестью родства,
За пятнами Голгоф припрятано бессилье.
Жизнь сохраняет все. Особенно слова.
Особенно слова, которых не просили.

От кружева арен кружится голова.
Но бабочка летит. – Светло самоубийце!
Жизнь сохраняет все. Особенно слова.
Особенно слова, успевшие разбиться.

От вымыслов друзей оправившись едва,
Восходишь на костер – и падаешь все выше.
Жизнь сохраняет всё. Особенно слова.
Особенно слова, которых не услышат.

Аэропортрет

Ловлю губами самолет.
Он полетел бомбить Багдад.
И сверху лед, и снизу лед,
и небо, синее, как яд.

Ловлю губами дыма ком,
чужой и круглый, как "Прости".
И губ твоих аэродром,
и стрелок сбитые шасси.

Ловлю-гублю. Таблеток звон.
А у тебя, наверно, грипп.
И тишина, и телефон
уже до ниточки охрип.

Ловлю-гублю.
Дарю-горю.
Табло заклинивает рейс.
— Алло!
Ты, видимо, в раю,
поскольку ад ночует здесь.

* * *

Стамбул.
Гарем.
Четырнадцатый век.
Рахат-лукум навязывают деснам.
Подростки
среди евнухов и нег
меняют одинаковые весны.

Ресницы, подведенные чертой.
Шальвары прикрывают голенастость.
Султан, отяжелевший и седой,
по капле вырабатывает страстность.

Одна в одну!
Жестяные слова
опять зовут – в постель или обедать.
А день застыл.
И катится едва.
Как шарик вероналового бреда

Выздоровливаю

Я не нужна, как двухрублевый кофе,
как матерное слово в букваре.
Твой одинаковый медальный профиль
равноспокоен, будто на земле

меня и не было. Ты до меня не вырос!
Гортань скрипит от выпитого, но
все то, что плавило, болело, билось,
очеловечено, убито, учтено.

Я выдержу. Зря просишься наружу,
дрожащая расплаканная тварь.
Я выдержу, дотла обезоружив
обиды плесневеющий сухарь.

Я выдержу!
...Белеет полотенце.
И чайник замерзает на плите.
Я не нужна, как вынутое сердце,
как ржавчина на вытертом холсте.

Поэтово

Зангези умер!

Мало того, зарезался бритвой...

Велимир Хлебников

Асфальт блестел,
  как лысина избитого,
и тишина звучала завещанием.
...Стреляло двое:
  рифма недобытая
и пустота,
  добытая нечаянно.
Нет, не погиб!
  – Свободный и невидимый.
Нет, то не кровь.
  – Испарина ладонями.
Они всегда
  смотрели, но не видели.
Они всегда
  теряли, но не поняли.
Рассветы грыз,
  захлёбывался вечером
и умирал сырыми одиночками.
Он побеждал –
  но некому и нечего.
Он побеждал –
  поверх
  и между
  строчками.

Он твердо знал.

И шел в другую сторону.

Он твердо знал.

И солнце встало с Севера.

Его следы

расклёвывали вороны.

Он твердо знал.

Поэтому не верили.

Примитива L

Двое.
Идут.
В районе – надцати.
Он – «я – гений!»
Она – «умрем?»
Дождь, как врач
перед ампутацией,
не оставляет
Их вдвоем.

Время дрожит,
в перехлесте крошева,
нервно выкуривает Ее.
Время – простое,
совсем хорошее,
старое, как
Франсуа Вийон.

Он – продолжает,
Она – не слушает.
Времени стыдно за всех троих.
Дождь оплетает кольцом как кружевом,
Дождь бесконечен,
как тетраптих.

Он – о Петрарке, сонетах, дактиле.
А для нее –
и себя-то много!
Мальчик
с упрямым
лицом
птеродактиля.
Девочка
с сердцем
убитого
Бога.

Похороны рассвета

Рассвета не будет!
Он больше не нужен.
Ни людям, ни солнцу.
Тем более – мне.
Рассвета не будет!
Он слишком простужен,
он слишком свободен,
он времени вне.

Не ждите! Не кайтесь!
Вся кровь была мимо.
Порезы засохли –
утришь рукавом!
По стеклам, по веснам,
по краешку дыма
рассвет не вернется.
Рассвет не вернем.

Он был безупречен,
как морда трамвая.
Он был бесконечен,
как ветка метро.
Его не хотели,
его не узнали.
А если узнали –
то что-то не то.

Рассвета не будет!
И наглухо шторы.
Запомните дети,
он все-таки был.

Он – в пульсе, он – в песне,
в костре светофора,
и, может быть, в банке
червонных чернил.

О чем молчал ветер

Кожу вскрыли вены-крылья.

Про-
глядели!

Про-
пустили!

Кожу вскрыли вены-дали.

Рас-
смотрели!

Рас-
теряли!

– Тот ли?

– Та ли?

– Да ли?

– Нет ли?

Полночь на пол,

как монета.

И в осколки.

Бьется ветром:

«Кто чья жертва?»

«Кто чья жертва?»

Не-Гойя

Мне больно!
Я – поле.
Тугой колеей
разрезана в клочья.
Я – воля!
Я – вой!
Мне – больно.
Я – водка
на стылых устах.
Безвременье...
Вот как?
И даже не страх,
а что-то похоже
на бег по кривой.
Я даже не Гойя.
Я просто Изгой

Николаю Гумилеву

Здесь холодно.
И бреющий полет день начинает
только с середины.
Весна, ладошки вымазав о лед,
тихонько плачет.
Сгорбленную спину

пророчат лампа, кресло и тетрадь.
...А где-то, в глубине седых Америк,
жизнь повернулась и бежала вспять,
в свою обыкновенность не поверив.

Там пили грог, жевали сухари,
кормой зубрили кряжистые фьорды.
И неба не хватало до земли,
и солнце улыбалось даже мертвым.

А после – с кастаньетами, в трико –
жизнь пробиралась в пьяные таверны.
И расступались залежи веков
перед цыганским всполохом неверным.

Ну, а затем... Закончились листы,
сгорела лампа, рукопись намокла.
Жизнь распрощалась залпом холостых.
Состарилась. Задумалась. Поблёлка.

Екклесиаст

Когда-нибудь я все-таки умру.
И будет пахнуть мокнущей рогожей.
И будут пить. И будет на ветру
потрескивать разохшаяся кожа.

И будет день. И вылинявший снег
забьет родне ушные перепонки.
И скорбь, ненастоящая, как смех,
зальется перекормленной болонкой.

И будет ночь. Подгнившие цветы.
Шершавый крест. Украденная водка.
Архангелы поднимут понятых
и занесут в предпраздничные сводки

все тридцать с лишним пролитых грехов,
все девять штук нетронутых бессмертий.
Я стану местом встреч и пикников,
глотком земли и памятью в конверте.

Панель

Вечер. Морось. Едкий натр
заползает через ноздри.
Недокуренная «Ватра»
как растоптанные звезды.

Под глазами черный иней.
Недочерченные мелом,
два десятка сухожилий –
то, что раньше было телом.

Два десятка ожиданий,
неоправданных, как смелость.
Два десятка умираний:
Так кололось! Так хотелось!

Два десятка. Чья-то ощупь
каждый вечер, каждый вечер.
Стеариновая площадь.
Электрические свечи.

* * *

Когда солнце полнит живот,
когда тени плетут заплаты,
я одна, как один завод,
выпускающий экскаватор.

Когда утро морщинит лоб
и синоптик погоде верит,
я одна, как один микроб,
недобитый раствором «Сейфгард».

Я одна. За стеной – стена.
Я одна. За луною – луны.
Одиночество – лишь цена,
по которой скупают струны.

Богема

Утонуть в простынях!
Скрыться крысой в чуланчике!
Притворится кузнечиком,
злым и невкусным.
Где-то там далеко
есть манерные мальчики.
Они курят L&M и грассируют русским.

Я покрылась теплом,
как «Титаник» Атлантикой,
я похожа на всех,
в том числе на ландшафт.
Где-то там далеко
губы комкают бантиком
артистичные девочки сворой мышат.

Я терплю молоко,
я пытаюсь не вырасти
из привычного круга,
привычного льда.
Где-то там далеко
пахнет тленом и сыростью.
Как мне сытно – теперь.
Как мне нужно – туда.

* * *

*Ярославу Минкину,
другу и поэту*

Не взрослею,
не живу,
не старюсь.
Как тюльпан вращает в пережной,
я вращаю в память, расставаясь
с жизнью – заурядной, но земной.

Как Печорин,
вычурен и лишен,
не влезает в века окоем.
Но зато когда-нибудь услышат
мое время в имени моем.

Но зато какой-нибудь подросток
вместо среднесуточных Мальвин
влюбится застенчиво и просто
в рифмы незатейливый сатин.

И тогда,
из каменных удуший,
волей волю и суетой сует,
Я вернусь,
как возвращают души,
как пшеница возвращает хлеб.

Смерто-убийство

Смерти нет.
Я почти уверена.
Её всю разменяли по мелочи.
Благородные,
        чистые мерины!
Мелколюдие! Мелкотарелочье!

Смерти – нет!
Да с чего и взяться ей?
Даже Ленин теперь формалиновый!
Вырастает бессмертная нация
Интернетовых-и-Бензиновых.

Смерти нет...
Безымянней вымени,
как саркома,
растет население.
Палачи и пророки – вымерли.
Междулюдие.
Междувременье.

Мама или отсутствие смысла

Мама, послушай.
– Только не бойся! –
Жизнь – это просто
                                пробковый шар.
Сдача в ладонях бога-пропойцы.
Сбитый на вылет мальчик Икар.

Мама, послушай!
Жизнь – это каша.
Общелягушечий жирный бульон.
Можно – по ветру,
                                как стаи ромашек,
Можно – плестись:
                                за вагоном – вагон.

Можно –
                                нырять с этажей и балконов.
Можно –
                                дожить до детей и седин.
Жизнь –
                                это только
                                коробка
                                патронов.
Выхода нет.
То есть выход – один.

Занавес

Вот и все.
Я превращаюсь в дождь.
На лице сиянье серых капель.
Вот и все.
Ты больше не уйдешь,
кто б из нас ненастьями не запил.

Вот и все.
Хрусталики минут.
Алых парусов косые хлопья.
Вот и все.
Нас больше не найдут
расстояний каменные копыя.

Вот и все.
Пылятся под стеклом
крылья,
                    замененные обновой...

Вот и все.
Но сколько тысяч тонн
в голове
моей
пустоголовой?!

Пушкиниада

(по поводу сбрасывания с парохода современности)

Пушкин?
Чугуновый.
Пахнет резиной.
Вытертый френч благовидности для.
Пушкин – звенящая сердце-лавина,
рифмы мусоля и Бога творя,
вылилась в небо.
Хрустальная млечность!
Слова соленого русская медь!
Пушкин!
По праву положена вечность.
Вы не имеете права –
стареть.
Были б моложе на пару столетий,
пили бы вместе, носили джинсу...
Может, в Лох-Нессе искали бы йетти.
Может быть,
шлялись в Булонском лесу.
Пушкин.
Держите!
– Мои манифесты.
Первую подпись поставите там!
Пушкин, я вас вызываю повесткой.
Место в каюте найдется и вам.

Истерика

Луна заплакала.
Сначала очень тихо.
Потом как рыжий, брошенный ребенок.
Луна скулила, шалая волчиха,
а я к ней прижималась, как волчонок.

И пахло потом,
                    патокой,
                                пещерой,
амфетамином в рамках передоза.
Луна двоилась,
                    плавилась,
                                редела.
Редели знаки, признаки и позы.

Луна лгала!
И я лгала за нею.
Имела уши, чтобы не услышать.
А время шло – и становилось злее,
А время шло – и становилось тише.

Недостих

Недолет. Недострел.
Недобег. Недошаг.
Кто умел – не успел,
остальные – дрожат.

Недосмех. Недострасть
по белесым губам.
Кто пытался не пасть –
предавали гробам.

Недодом. Недодым.
Без тепла. Без огня.
Поменяюсь с любимым,
распродавшим меня!

Недоболь. Недовой.
Не крестом, а мечом.
Поменяюсь с любой,
кто к стихам не при чем!

По оскаленным ртам!
По осколкам комет!
Я живу только там,
где меня уже нет.

Любови. Любочки. Любята.

Вы все останетесь.

        Так лапы динозавра
свой отпечаток оставляют в иле.

Вы все останетесь.

        И после послезавтра
расскажите, как ели-пели-пили.

Вы все припомните:

        что рифмы слабоваты,
что целовалась - в общем-то - не очень.

Мои любви,

        любочки,

        любята!

Я вас прощаю

        – слышите? –

        заочно.

Ну что вы мне?

        Курганы после Трои!

А я для вас – нескучным мемуаром.

И каждый третий,

        вымысел утроив,

не поперхнется скромным гонораром.

Вы все останетесь.

        Единственная просьба:
не растирайте сопли вместо мыла!

Мы – не сошлись.

        Мы – разные.

        Мы – врозь. Но

я все-таки когда-то вас любила.

* * *

Поезд в прорезь
глаз и окон
бьется ветром,
как ракеткой.
Устаканясь,
успокоясь,
я стабильна,
как наседка.

Я спокойна,
как покойник,
как сбежавшее какао.
Стекла.
Звезды.
Подоконник.
Сигареты.
«Кюрасао».

Я спокойна!
– Слева-справа
отдираю счастья клещи.
Впереди – чужая слава.
По бокам – чужие вещи.

Отодрала.
Сердца тара
расколосась на куски.
Поезд с запахом соляры.
Поезд с запахом тоски.

* * *

Нежность и ненависть – сей союз
как доблесть и девственность! – неделимы.
Я ненавижу.

Уже не тщусь
разненавидеть тебя, любимый.

«Я ненавижу» – в одну строфу.
Или – в любовное многотишье.
Я ненавижу,
жую,
живу,
каждой секунде считаясь лишней.

Нежность и ненависть:
алым ртом
Душу хлебал.
– Умерла, как Припять!
Я ненавижу
– вот вам! –
за то,
что мне уже некого ненавидеть.

Иуда-изм

Предательство.
Предали.
Передали.
Пустили по завистливым рукам.
Вы слышите?
Так звякают медали
с мундира неживого старика.

Я не одна!
Я в середине стаи.
Как в черепе Олегова коня!
Хоть бы один пытался – не ударить!
Хоть бы один пытался – не меня!

Предательство.
Вы слышите?
Не бойтесь!
Как на миру цена была красна!
Я ухожу.
Заканчивая повесть,
я зачеркнула
ваши
имена.

* * *

Опять Январь.
                                Но пахнет бузиной.
Мне все равны, а ты –
                                всего равнее.
Мне говорили,
ты теперь с другой.
Мне говорили,
ты теперь умнее.

Мне говорили...
                                – Тот же телефон,
такие же простуженные стены.
И голос твой не больше мне знаком,
чем девушке компьютерные схемы.

Все это так.
Но где-то,
в глубине,
сквозь рифмой предусмотренные войны,
неужто ты не помнишь обо мне?!
И неужели
я тебя
не помню?!

* * *

Нас забудут, кукушка...

Ярослав Минкин

Нас забудут, кукушка.

Я это мучительно знаю.

Нас забудут, кукушка.

— Таких забывали не раз.

И, пустив наши головы,

будто ромашки по маю,

Жизнь споткнется крестом

и застынет безмолвием фраз.

Нас забудут, кукушка!

Листая страницы, как листья,

кто-то новый пойдет

в Ледниковый ненужный поход.

И безумий его

безнадежно багровые кисти

отцветут и погаснут

в предложенный вечностью год

Нас оденут землей.

Нашим именем не назовутся

пароходы,

бульвары

и прочие долгие дни.

«Нас забудут, кукушка!»,

но времени битые блюда

невозможно, нельзя,

бесполезно уже заменить.

Крысолов

М.П-Р.

Такие не живут!

С таким лицом
идут на плаху – или же в больницу.
И умер мир.
И кончилось кольцо.
И солью покрываются ресницы.

Такие не живут!

Таких – нельзя!
Как дудочка в ладонях Крысолова,
я падаю,
мучительно скользя,
не знаю вдохновения иного,

чем то,

которым потчевал,
а я
опять перехожу на старорусский.
Любить тебя.

– О как любить тебя! –
есть высшая обязанность искусства.

Любовь к богатым

Интересно,
в каких единицах
вы меряете успех?
В гробницах
влюбленных женщин?
В улыбках?
В других и в тех?

Интересно,
какой кормежкой
вы кормите ваших псов?
Засов на груди – как ножны.
Засов – он и есть засов.

Интересно,
когда потомство
возьмет и скажет:
– Еще!
вы кашею скопидомства
подавитесь,
за плечо
оглядываясь на вашу,
простую, как
простокваша,
такую чужую,
такую ненужную
жизнь?!

* * *

Как всякий выбор бессюжен,
бесмысленен – и вопреки.
Перерубая новый узел,
лишь затупляются клинки.

Как всякий выбор беззащитен
перед узором щек и глаз.
И, троекратный победитель,
я проиграла в третий раз.

Как всякий выбор – неразлучен.
Как вдохновенье и тетрадь.
Я продолжаю – мучась – мучить
и продолжаю – продолжать.

Гроза!

Мужик – перекрестится.
С неба – грянуло.
Гранулы солнца застыли, остыв.
Август бежит разухабью цыгановой,
и нехватишь его под уздцы.

Август бежит – перепуганный, ливневый.
Палевом пахнут земля и жильё.
Небу обещано страсти без выбоин.
Небо само забирает свое.

.....

Гром как морг!
И тучи – густятся.
Пахнет смолю и смолой.
Есть гроза – и есть распутица.
Остальное – перебой.

Сколько гроз!
Причин опричнина
чешет солнце на пробор.
Это – Грозный.
Это – личное.
Остальное – договор.

Так ареной веру правили.
Так в ресницах ток течет.
Это – право.
Это – правило.
Остальное – недочет.

Демократия

Давайте строить глобальный рай:
вместо алмазов – накормим стеклами.
И будет Ева.
И будет Кай.
Проснемся умненькими животными!

И будет небо – конечно, семь.
И будет счастье – косить-не-выкосить.
И дольше века продлится день.
Так – что его не успеют выносить.

И будет корма – хоть завались.
И будет водки – до белой тошноты.
Давайте Шарику строить жизнь!
Подайте Шарику невозможности!

* * *

Я сделала глупость.

За глупости платят.

Желательно – в сердце.

Желательно – пулей.

Так требовал казни Шестнадцатый Капет.

Ему обещали и не обманули.

Но вряд ли поймет он,

забытый,

кружавный,

моей гильотины, моих робеспьеров.

– Как жарко!

Как жалко картин и диванов...

А я себя чувствую новеньким сквером,

в который забыли поставить деревья.

Одна обнаженная теплая почва.

Я сделала глупость – и я индевею

от веса ударов,

простых и заочных.

Я сам себе Данте!

Единообразье

кругов и кружочков.

– Миры и минуты!

Я сделала глупость.

Я требую казни.

Ну где же налитая вами цикута?

Марш победителя

...А лица деревьев казались бритыми.
Я шла в одиночку, расправив Авеля.
Победа краснела своими битвами,
которые мы за собой оставили.

Я шла в одиночку.
Карманный памятник
ужасно гордился своим величием.
И падало – небо, и звезды – камедью
стекали в асфальтное безразличие.

Я шла –
        тишиной,
                босиком,
                        бульварами.
Считала осины своими кольями.
С какой бы я радостью проиграла вам,
когда бы вы это
        – хоть раз! –
                позволили.

* * *

Жизнь превращается в тесный клубок
сплетений и сплетен,
душИ и дУша.
Солнце пытается плыть на восток,
реки пытаются плыть – на сушу.

Я – остальная.
Так же, как все.
Так же, как прочие – неповторима.
Ягод хотелось упрямой лисе
не больше/ не меньше,
а просто
мимо.

Какая мне разница,
где табурет,
а где хозяин –
его и жизни?!
О смерти одних узнают из газет.
О смерти других узнают из писем.

Поэтохроника

Д.Д.

И тон был резок, и вечер – резкий.
Оба охрипшие – тот и другой.
Путались звезды, как занавески,
падая в окна живой водой.

Вы говорили:

пора расстаться.

Суп – пересолен,
слова – горьки.
Перечисляли,
как строчки в святцах
пробы, погрешности и грехи.

Вы говорили что-то про Таллинн,
Про колокольчики и пути.
И тон был резок,
и взгляд раздавлен,
и мне хотелось от вас уйти.

Позже,

на «я» вспоминая певицу,
губы скользили,

как замш в снегу.

Я вытирала ваши ресницы
и на «люблю» отвечала «угу».

Лимоновая лирика

Лимоны! – ЛИ.
Лимоны! – МО.
А где-то
Гана, Лима, Персия.
В кармане денег на лимон,
а хочется – десяток персиков.

Лимоны – в.
Лимоны – на.
От кислоты – хоть вой, хоть вешайся.
Любви лимонная страна
распродает последних беженцев.

Лимоны – под.
Лимоны – над.
Кислы слова – твою помощью.
Я так ждала,
                    что ты луна.
А ты желтел
обычным
овощем.

Повторение пройденного

Твои строчки делают больно,
только это теперь до фени.
Так, наверно, плевал на Смольный
разухабившийся Есенин.

Ты давно совершеннолетний,
мне давно совершенно зимне.
Мой июль не размоют сплетни.
Мой июль не погасят ливни.

И никто
    никуда
        не годен.
Не растравлен, не обескожен.
Каждой пуле положен орден
за того, кто ее стреножил.

Я курю в темноте, как Бродский,
и *вдыхаю гнилье отлива*.
Да,
    со временем
        мне придется
научиться прощать —
        красиво.

* * *

Давай мы простимся сейчас,
пока еще вечер случаен
и пахнет не счастьем, а чаем.
Давай мы простимся сейчас.

Ты выйдешь меня проводить.
Простой, молодой, необутый.
Рассыплются взгляды-минуты.
Ты выйдешь меня проводить.

Пожалуйста, помни меня.
Таких еще здесь не бывало.
Закончится повесть началом.
Пожалуйста, помни меня.

Я больше сюда не вернусь.
Под бронхами клекот вороний.
Здесь воздух веснян и любовен.
Я.
Больше.
Сюда.
Не вернусь.

**Наличие дома нужней,
чтоб туда не писать.**

И улицы липнут, как пух на губах Птицелова.
Ты только молчи, если будут меня убивать.
Наличие Смерти
дороже
наличия
Слова.

Кто раньше стрелялся – в себя продолжает стрелять.
Кто брал твой почтовый,
тебе безразличен,
как паспорт.
У времени наста
есть ценное свойство – «опять».
Все прочие свойства работают только по красным.

И улицы – липнут.
И город похож на коня.
От этого кофе во рту непроглядная вьюга.
Пожалуйста, люди, не больно убейте меня.
Наличие Смерти
скорее
наличия
Друга.

* * *

Октябрь,
ты выглядишь старым и стыдным.
Как я ненавижу твои голоса!
Октябрь,
тебя за туманом – не видно.
Ты только и можешь бузить за глаза.

Ты только и можешь.
Так только и можно.
Остался будильник и чаек конвой.
Прошло твоё время чудес неотложных.
Прошло моё время – недлинной строкой.

Прошло.
Проскользило.
Лишило одежды.

Цедило по капле.
Клялось на крови.
– Ты можешь назвать нашу дочку Надеждой,
но только Любовью её не зови.

* * *

Вода – пришла.
Вода – предвиделась.
Водой лечили корабли.
Мы создаем друг другу видимость.
Мы создаем друг друга и

себя пытаемся разламывать
водой и водкой пополам.
Послушай, вряд ли
нужно заново
учить неправильным словам.

От недосыпа недочувствами
не то болеть, не то жалеть.
Мы притворяемся моллюсками,
которые умеют петь.

Мы притворяемся гитарами
– лады затерты до дыры –
«Я вас любил!»,
но это – старое.
Я выбываю из игры.

* * *

Никогда не поймешь:
а который – не предал?

Никогда не поймешь:
а который – не спит?

Провожая мечту по последнему следу,
не забудьте в аптеке купить цианид.

Провожая мечту
– до калитки и выше –
не забудьте промокнуть
и дать на такси.
Ведь на то и мечта,
чтобы правды не слышать.
Ведь на то и мечта,
чтоб ее упустить.

Провожая мечту.
По последнему следу.
По дождям-тротуарам.
Столетье и час.
Никогда не поймешь:
а который – не предал?
Никогда не поймешь:
а который – не спас?

* * *

Мертвыми ладонями не выхлепать реки,
мертвыми губами не расскажешь эпилог.
Маленькие-маленькие люди-островки
просят океан не заходить через порог.

Просят не выдумывать —
и вежливо на чай.
Крестятся-невестятся.
Клюют через плечо.
Маленькая-маленькая глупая печаль
смотрит недоверчиво и спорит что почем.

Кто кого не понял —
тот того и не простил.
Кто кого выдумывал —
да тот тому и Бог.
Зареву-завыревушь,
чтоб не хватило сил —
только бы побегом не изматывался срок.

Только бы в петлю мешали волосы пролезть,
только бы истерика не встала на курок.

Мертвое животное не ошестинит шерсть,
мертвыми ладонями не выпутать клубок.

* * *

Станция: осень-зима.
Станция: демисезон.
Вечер. Ладони. Луна.
Вечер. Ладони. Газон.

Звезды – на джинсах и над.
Хочешь – рукой собирай.
Ты мне выдумывал ад.
Выдумал, видимо, рай.

Памятник.
Злые глаза
у поперечных такси.
Ты меня выдумал,
за
что мне тебя не простить?!

Линии, люди, дома –
все это сделано of
«станция: осень-зима».
Станция: осень-любовь.

* * *

Белая,
бездонная,
бездонная вода:
каплями,
ресницами
и просто на песок.
Падали
    размокшие рыбы-провода
падалью
    в аквариум спутанных дорог.

Ты мне что-то ласково:
    про боль и про печаль.
Я играю в радугу, гляжу на стадион.

Ничего не жалко.
Никого уже не жаль.
Жалко только мячики раздавленных ворон.

«Ты меня не понял»,
    — это заново в цене.
Я умею выжить и в отсутствие войны.
Сыпятся - рассыпятся
    медяшками монет
недообещания
    расстрелянной весны.

Это не малина,
не смородиновый куст.
Это просто Истина замерзла на снегу.

Стразами-рассказами из-под Христовых уст:

– Отпустите,
кто-нибудь,
я
больше
не
могу.

* * *

Никто.
Никуда.
Не делся.
Подмости всё те же.
Те же.
Я всё продолжаю бегство
по красному льду манежа.

Призывно стучу копытом.
Глаза раскрываю – шире.
Пустите меня на выход.
«Пустите меня!»
– Пустили.

Пустили –
и воздух мятный,
Пустили –
и ветер свеж...
Возьмите меня
обратно!
Верните меня
в манеж!

* * *

Я не циник.
Я только цинею.
Становлюсь равно- ,
        просто-
                        и -душной.
Все мои безупречные цели
отсырели,
как рыба для суши.

Все мои прошлогодние губы
поумнели и дальше умнеют.
Я ползу по поверхности куба.
Я цинею! цинею! цинею!

Поцелуй,
если это не мало.
За плечами –
        гора или море.

Я не циник.
Я просто устала
от своих Бесконечных Историй.

Парфюмер

Здесь всё притворяется мнимым,
здесь всё притворяется мной.
Жизнь пахнет деревней и дымом,
жизнь пахнет бульваром и хной.

Здесь каждый навеки случаен,
здесь каждого бьют напрокат.
Жизнь пахнет свечами и чаем.
Здесь ждут, и живут, и гостят.

Жизнь пахнет...

Да чем не спросили б!

У каждого свойский уют.
Без запаха только Мессия,
которого здесь – продают.

* * *

И кого мне теперь вспоминать?
Не спросили меня, не спасти ли.
Не спросили,
когда на кровать
твои руки другую вносили.

Не спросили,
когда признавал.
Хотя в принципе может быть хуже.
Ты не поезд. – И я не вокзал,
чтобы ждать не-прихода на ужин.

Бог устал – и у Бога дела.
Ночь светла, как пролитое масло.
Ухожу, оставляя слова,
заменяя столовое красным.

* * *

Как много лирики!
Как странно
читать ее, когда простишься.
И слушать музыку дивана,
скупее, чем
церковной мышью
съедать остаток сожалений...
Как много лирики!
Из лени
любовь рождается,
из скуки.
А после надоеда Врубель
её рисует с исступленьем.
Как много лирики!
Я – гений?
О нет,
тот гений,
кто заставит
сквозь слабость «быть»
и сладость «править»
звучать бубенчик колокольной.
Как много лирики!
Как больно.

Разговор со смертью

Лужи. Ветер.
Снова лужи. Никого.
У смерти насморк.
У нее промокли уши.
У нее украли паспорт.
Смерть молчит,
                        до слез ревнуя,
прячет мерзлую макушку.

– Слушай, смерть, а может ну их...
Выпьем с горя.
Как там Пушкин?

Как там Лермонтов – и Бродский?
Что Некрасов?
Всё играет?
Матч «Есенин-Маяковский»
неужели продолжают?

...Смерть задумалась,
                        кокеткой
примостилась на груди.
И сказала:
– Знаешь,
                детка,
                        доживи до тридцати.

* * *

Моя вечность живет в разговорах,
на заборах,
исписанных русским,
на укусах
собак и соседей...

Ты не бойся, родная, доедем!

Ты не бойся, используя укус,
можно смыть заржавелость с доспехов.
Словари 20-енного века
нам подарят пластмассовый кубок

– Моя вечность в потоке маршруток!

Моя вечность...
Под столбиком пыли,
в волосах,
голосах
и простудах...

Моя вечность!
Тебя не любили!
Моя вечность!
Тебя не забудут!

* * *

А рукопись горит.
Или – «горят».
Не кислород и даже не минуты.
Любое слово –
пойманный снаряд,
отправленный далекому кому-то.

А если не горит,
то, значит, брак!
Восстановить по вольному замесу!
Не рукопись –
расправленный кулак.
Не рукопись –
соломенная пьеса,

в которую играет уголек.

Из олова, из стали –
всё солдаты.

У истины не измеряют срок.
Для истины не выбирают даты.

* * *

Никто не понял.
Некого прощать.
Здесь всё чужое:
                                города и пашни.
Здесь все чужие.
Мелочи пощад
бессмысленней раскаяний вчерашних.

Никто не понял?
                                Древняя возня!
Как будто хоть когда-то понимали...
Всё тот же раз
                                всё ту же не-меня
всё с тем же выраженьем выбирают.

Никто – не понял.
Время – не придет.
Рябина – догорит всё тем же красным...
Чужим стихам настанет свой черед.
Ну а мои, как правило, погаснут.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ

Четыре не-меня

Тень первая (Солдат)

Лежим. Не курим. Время перебежек:
до темноты – и перед лобовой.
Глотаем жизнь размеренней и реже,
как воздух, перемешанный с землей.

Кулак зажат предчувствием винтовки.
– Ребята в бой! Вся родина за нас!
А вдоль дорог – испуганные волки,
А за спиной – единственный приказ.

Я побежал. Короче перестрелки.
Лицом в траву – пшеница в волосах.
Удар. Удар. Двенадцатые стрелки
считает смерть на сломанных часах

Тень вторая («В баре Фоли-Бержер»)

За далью – даль. За ночью – ночи.
Предрешена
Среди минут и многоточий
Одна.

У зверя – зверь. У птицы – птица.
Давать не брать!
Ни выплакать, ни возвратиться.
Опять.

Линяет день. Линяют лица.
Ступеньки вниз.
И предлагает оступиться
карниз.

Тень третья (В церкви)

Голову с разбега об холодный пол!
Оплывают воском, плавятся иконы.
Сердце, ненасытный недобитый вол,
что опять любовной давишься соломой?

Дура! Черной Речкой по ресницам грусть,
на ладонях брызги пленного заката.
Он сказал три слова: «Больше не вернусь»
Он сказал три слова: «Ты не виновата»

Вдребезги по крышам солнечная ртуть,
вдребезги ногтями о хрустящий кафель.
Он сказал три слова. Больше не вернуть!
И шуршит молчанье парафином капель.

**Тень четвертая
(Вечный Жид)**

Я не удивляюсь. По коже – смола.
Я не удивляюсь. Затылочный звон.
На брюхе. Ползком. От угла до угла.
Листая страницы чужих похорон.

И если навстречу с разбитой губой,
Я не удивляюсь.– Такой же, как все!
Я голый, я грязный, я глухонемой.
Я мелок, как мел на песчаной косе.

Я сею не то...
И созревшая злость
прогоркла по горлу сухим миндалём.
Убейте меня! Я бессмертен насквозь.
Да будет развеяно имя моё!

апрель-май 2004

Моль

1.

В каждом из нас есть моли немножко.

Начал считать –

не хватит волос.

В ком-то –

размера столовой ложки.

В ком-то –

большая,

как буквы S.O.S.

Тление – тле.

А молитва – моли.

Дело не в этом,

а в том, что я

жизнь предлагаю делать –

более,

жизнь предлагаю не делать –

для.

2.

Как распятие – иноверцу!

Иноходцу – да снегом в ухо!

У меня – оборона – сердца.

У тебя – оборона – брюха.

«Зуб за зуб!» – посреди развалин.
Неприятно звучит для слуха?
У тебя – оборона – спален.
У меня – оборона – духа.

Я, наверно, других не чище,
но не сдамся ни лжи, ни боли.
У тебя – оборона – пищи.
У меня – оборона – воли.

3.

Распродажа.
Два –
продажа.
Три –
и нас уже купили.
Ты не бойся.
Это – наши.
Это игры в «или-или».

Ты не бойся!
Кровь малиной.
Вечный праздник в три патрона.
Или –
гибкостью змеиной
выбирать спине наклоны.

Шатко-валко.
Взгляд пластмассой.
Не поймали – не убили.
Ты не бойся – это массы.
Это игры в «или-или»

4.

Эх, разлить бы пожар закатом!
Чтоб горела – сгорела! – тля.
Чтобы моли последний атом
врассыпную летел, горя.

Вместо этого – гладь.
Под гладью
шорох-ворох крысиных царств.
Освященит кровавой свадьбой
государей и государств!

Расплескаться!
Разлить!
Раздвинуть!
Разневестила грудь Земля.
Нужно делать пожар – молиный.
Чтоб горела
– сгорела! –
тля.

июль-август 2005 года

Путешествие из (поэма в четырех пересадках)

1.

Сколько страсти было?

Не счесть!

Не посмеешь назвать Христовыми?!

В этом городе,

бледном, как шерсть,

притворялись птенцы птицеловами.

В этом городе,

вещем, как дым,

где деревья не смеют вырасти,

даже тот,

кто сегодня любим,

послезавтра умрет от сырости.

Даже тот,

кто сегодня пророк,

послезавтра –

окажется пьяницей.

Под копытами века и ног

город будет,

и был,

и останется.

2.

Город будет и был.

Но в памяти
то ли прошлое, то ли пришлое.
Его улицы пахнут камедью,
его женщины пахнут вишнями.

Его лиц ледяная очередь
почему-то пропахла деревом.
Он не стал ни отцом, ни отчимом.
Он не стал ни волной, ни берегом.

Он не стал.
Но своими стансами
я ошпарю ветров созвездия.
Этот город похож на станцию,
до которой уже не ездили.

3.

Ошпаренный ветром,
и чадом,
и чудом,
осмеянный криком –
меня или чаек –
мой город похож на больного верблюда,
несущего лица
и улиц печали.

Мой город похож
на хмельного прораба:

такой же промокший,
такой же небритый.
Здесь пара музеев
и местная Рада.
И, кажется,
профиль
наивного Шмидта.
Мой город устал.
И я тоже устану.
Устану,
как пушек потертый лафет.
Такси.
Перекресток.
Сухие каштаны.
Такси.
Перекресток.
Пустые кафе.

4.

Такси.
Перекресток.
– Ни дальше, ни ближе.
Огромный,
бездомный,
оранжевый шар.
Стотысячный раз –
перекрестки и крыши.
Стотысячный раз:
– Выходите, вокзал!

Стотысячный раз
под лопатками пусто,

как будто к расстрелу
доставил конвой.
Прощай, Севастополь.
Мне все-таки грустно.
Прости, Севастополь.
Я еду домой.

зима 2004-2005

ПРОЗА

Вишневый

Кажется, она любила вишни.

Вот и все.

Нет, постой, был еще запах. Она пахла ванилью и хной.

Каждый отрезок, каждый сантиметр пах. Невозможно ни смыть, ни затереть.

Вишневый.

А потом она ушла.

Нет, имени я не помню. Помню только вкус. И еще цвет. Рыжий, неровный. Говорят, она меняла любовников. Не от слова «любить», а от слова «любитьса».

Обыкновенная дрянь. Дрянь.

– О чем ты думаешь? – затягивается.

– О тебе.

– Врешь, – показывает остро заточенные зубы, – о ней ты думаешь.

– О ком?

– О смерти, конечно.

Улыбается.

– Не будь дурой!

Целую. Опять вишни, протабаченные вишни.

Нежность? Ненависть?

Обыкновенный симбиоз. Мне холодно, ей скучно.

Она говорит. Она пьет посредственное пиво. Она любит вишни.

– Знаешь, я умру первого июля. Я уже знаю, что.

– Зачем?

– Скучно.

Роняет зажигалку. Наклоняется. И вдруг – лицом в мои ладони. Теплые капли. Дождь – и размытая тушь.

Начинаю бояться. Боюсь.

Я – пластилин. Мне нужен ее запах. Ее боль. Ее мир.

«О чем ты думаешь?»

Я.

Она.

Вишни.

– Обещай!

– Всё?

– Страшно.

– Мне тоже.

– Помоги.

– Не надо.

Она хочет.

Она любит.

Несколько капель.

Если не помогу, она знает, кого просить. Она решила. Решила.

Не могу. Господи, убей меня. Я не могу. Ее жизнь, ее сны.

Я не могу! Я люблю!

Люблю?

Несколько капель.

«О чем ты думаешь?»

Я не могу. Я НЕ МОГУ!

Соглашаюсь.

Идем к ней. Она достает из внутреннего кармана флакон. Маленький, зеленый. Почти элегантный.

Господи, я не могу!

– Не волнуйся, не больно будет, не волнуйся. Приносит стакан. Открывает. Капли. Я не хочу смотреть. Не надо!

– Не надо.

– Надо.

– Я люблю тебя.

– Глупо, – прячет глаза. – Помоги.

Я не могу. Не могу. Немогуномогуномогуне

Падаю на пол. Линолеум в крошках. Слезы.

— Истеричка!

Слезы. Слезы и ее коричневая юбка.

Она отсчитывает капли.

– Истеричка и баба!

Встаю. Отряхиваю джинсы. Прижимаю стакан к ее рту. Пьет.

Прикасается дыханием к моему уху:

– Я тоже, я тоже.
Глаза в глаза.
Близко-близко.
Две недоспелые, карие, глянцево-вишневые.

Дело мастера

Безымянный поэт морщился и пытался закурить. Чирк-плюх-«Блять»! Морщился и пытался, пытался и морщился. Пальцы – дрожали, солнце и повидавшая виды локальная слава – закатывались. Навстречу промелькнула девушка, близорукая и немолодая. Поэт поздоровался. Девушка изогнулась. Поэт начал замолаживать, но запутался в половой принадлежности объекта.

Задумался.

Высморкался-вдохнул-прислушался.

«Жизнь удалась!», – апрельские коты, муниципальные работники и критик Защечников были счастливы. Поэт был мучительно трезв, и ему не давали. Точнее, давали, но только сдачу. Или сдачи, что тоже случалось. Последняя муза ушла. Ушла, оставив запах женского белья и раздавленного шоколада. Поэту было грустно.

И вдруг (у поэтов всегда случается Вдруг) появилась Она. Она была красива и казалась прозрачной. Прозрачной до лунности. Как утверждают современники, поэт очень любил слово «лунность» и ванильные рогалики.

Итак, появилась Она.

С этого момента начинается счастье. Счастье длиной в однотомику. Поэт сжался и выпятил губы. Но – Она! Она, как всякая самка, не понимала неизбежности чуда.

Она равнодушно разглядывала витрины. Безымянный Поэт решился.

– Здравствуйте!

Она смерила Поэта взглядом.

– Не правда ли...

– Правда.

Молчит.

«Издевается, издевается стерва».

–А как вас зовут? Она улыбнулась.

– Рита.

Поэт явно понял, но попытался скрыть.

– Знаете, я ведь не первый год. То есть, я поэт. Литератор, можно сказать. Пишу. Да нет, вы меня не так поймете. Просто, видите ли, муза. И профиль. У вас удивительный профиль, Рита. И глаза... у вас удивительные глаза. И руки. Я хотел сказать...

– Не соглашусь ли я с вами выпить?

Безымянный поэт удовлетворенно кивнул. Её зеленые, чуть косящие глаза смеялись.

– Нет, к сожалению, нет. Возможно... А, впрочем, прощайте.

И ушла.

Мargarита шла вдоль одинаковых граждан, перебирала желтизну букета и думала, что ей скоро исполнится сорок.

Стигматы

Дай мне руку.

Не бойся.

Ты видишь?

Да нет, присмотришь, это было. Было, как осень или выпитый коньяк.

Полдень. Песок. Небо.

Песок, перемешанный с кровью.

Нет, это волосы. Совсем простые, совсем рыжие.

И плач. Извечный, женский, непричесанный. Она ловила его руку.
Скользила по вдавленным ребрам. Не верила
А он... Он был только мертв. Мертвее, чем его багровевшее покрывало.

Одна. Одна среди веков и фанатиков.

Как?

Как он мог?

«Предал. Предал ведь. Какое мне дело? Какое мне дело до них?

Какое мне дело, если»

Так думала, так шептала.

На незнакомом языке.

На языке, знакомом каждому.

Каждой.

Были, были и другие. Ласкали, слюнявили, задыхались в плечо.

А потом пришел Он. Пришел и отнял.

Пришел, увидел, сохранил.

Одни называли безумным, другие... Но других было мало.

Какие-то женщины с искаженными ртами плевали ему под ноги.

Отговаривали.

Боялась.

Смертельно боялась его подростничной синевы. Синева, которая лилась сквозь.

Убили! Убили! Убили!

Слез не осталось. Только ненависть. Холодная, как бритва в вазелине.

Она ударила его сгибом локтя.

Тело глухо приняло удар.

Она отряхнула колени и подошла к размытому времени, темному персонажу.

— Сколько?

Она отвязала пояс и отсчитала серебро.

Взял.

Значит, его похоронят.

Потом вздрогнула. Рукопись!

Ей пришло в голову, что пергамент не станет гореть.

Она заплатила еще и попросила переписать.

Темнело.

Синева переходила в сиреневый.

.....
Безымянный кабак.

Две одинаковых фигуры медленно переговаривались.

– Наконец-то.

– Да, станет потише.

– Сколько она дала?

– Уже не помню. Ты ее знаешь?

– Блядь какая-то. Да мало ли.

Отхлебывает.

–Сарра, кажется. Или Мария? Помню, что из Магдалы.

–И дорого берет?

–Не особенно.

Небо. Песок. Рыжеволосая женщина.

Вечер. Девушка. Туберкулез

Тебе когда-нибудь выворачивало горло терпкой светло-розовой жижей? Это когда легкие кажутся разорванными на тысячи бабочек, каждая пытается улететь. Вдох шершавее выдоха из-за треска хлопающих крыльев. Может, хотя бы бронхитом болела? Все равно слушай, потому что – туберкулез. Сначала тебе не больно. Нет. Но он уже внутри. Ест потихоньку, с аппетитом. Он в твоей слюне, в следах помады на любимо-небритей щеке. Ты не бойся. Ты же хотела умереть, не так ли?

Вот.

А потом он становится тобой. Навсегда. Точнее на то всегда, которое тебе осталось.

И когда вы идете вдвоем, на самом деле вас четверо. Внутри его паспорта – законная «серая мышка», а внутри тебя – маленький черный зверек. Его обнаружат при вскрытии. Туберкулез.

Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. Так думал Блок в электрическом зареве Петербурга. Так думала неизвестная девушка в городе Икс.

Блоку оставалось 15 лет, девушке оставалось 15 суток. Блок курил и ждал. Девушка откурила и отждала. До того как. Теперь она умирала. Блоку надоело стряхивать пепел.

Он взял пролетку и куда-то шепотом направил похмельного извозчика. Девушка тормознула такси, протянула деньги, пыталась что-то сказать, но кашель размазал сказанное.

Бессмысленный и тусклый свет делал грязь антрацитовый. Рядом волной проносился этил, мужские желания, визг, сырость. Оба поморщились. Девушке слышались затертые «винилы», Блоку – пошловатая цыганщина.

Скука.

Рядом сидящий напомнил, что приехали. Обоих передернуло, но, разумеется, вышли.

Живи еще хоть четверть века. Или три четверти. Как рукав. Также бесполезно. Ресторан и полночь. Их время не меняет.

Блок опять курит, трет покрасневшие веки. Сливочная морось висит киселем. Он просмотрел, когда она вошла. Девушка изучает Блока с интересом. Блок изучает ее черный трикотаж. Его распущенные волосы пахнут, как и положено, ладаном, ее узкие ладони, как и положено, дрожат...

Блок растерян. Она опять исчезла.

Он возвращается к себе. Рифмуется, не спит, плачет. Феньки ему кажутся кольцами, синтетическое платье – упругими шелками. Буага становится Блоком. Тогда он выводит 24 апр. 1906 и засыпает.

Все будет так. Исхода нет.

Кто-то вызвал неотложку. Белая машина. Белый платок. Красный перекресток. Красная кровь. Умный доктор долго шарит ее тело. Какие-то провода. Плачущая соседка. Нательный крест пошлют матери. Волосы, карболка.

Где ключ от ее квартиры?

Скука.

Туберкулез.

Она не дышит. Не бойся. Еще целых 14 минут. И Блок. И незна-
комка. И долгие-долгие невские сумерки. Не спрашивай, я ничего не
помню. Нет, это не димедрол. Все это будет. Потом. Вчера.

зима 2004 года

Тринадцать минут из жизни ТоТоро

Д.Д.

Любофъ.

Все.

Точка.

Нет.

Нет меня больше. Есть только долгое-долгое Л. С твердым знаком,
с кровью в сердце, с теплым запахом под ногтями.

Это она. Это – она?

А что если никогда, никогда не будет, ни завтра, ни вчера.

Ни глаз, узких, как прорезь вдоль вены.

Ни губ, ни голоса, ни даже формы ноздрей, подозрительно изогну-
тых.

Проснусь, заплачу, мокрыми ладошками накрыв лицо...

Но пока что шепотом в ухо – «моё».

Моё.

Совсем моё.

Нет!

Совсем – его.

Он не появился, точнее, он не появлялся, он вкатился в меня, как
тоторо.

Пушистый, белокожий, со шрамом вдоль живота.

И вкус такой же.

Это Он. Это – он?

А был ли?

Может, это просто волна по пальцам? Подходит, в плечо зубами, руку в руку. Миииильный.

Этого не бывает! Не бывает совершеннолетних тотор!

А он, он почему-то – есть.

И когда я дрожу всем, что есть во мне женского, он – умирает.

И когда я убиваю себя, он – болит.

Вот.

Посмотрел в экран, довольно и хитро сожмурился.

То

То

Ро!

И не поймешь, кто из нас псих.

А когда он спит, мне снятся цветные полосы. Семь.

Потому что весь он – радуга.

Потому что – до него – дождь. Темный, как туча над Иерусалимом.

Потому что – без него – дождь. Пустой, как Ялта в январе.

Потому что – ТоТоРо.

зима 2005 года

Летосам

Человек был маленького роста.

Его правый глаз отражался в левом.

Его все жалели.

И самое странное – никто не знал, что он придумал летосам. Летосам – это почти самолет, но только в обратную сторону.

Вот.

И всё было хорошо. Некрасивый человек жил, ел борщ, придумывал друга летосаму. Но появилась она и все испортила. То есть одна-

жды, пока Человек спал, она тихонько вошла, положила голову ему на колени и замурчала.

Глупый, глупый Человек!

Он – обрадовался.

Она была маленькая, умненькая, круглая.

Горе началось с занавесок.

Она пришла, размахивая фиолетовым рулончиком тюля.

Она попросила вытереть пыль и не бить чашки.

Она приобрела ему мобильный телефон.

Он подумал, что это счастье.

К сожалению, это был брак.

Человек стал чистым и больше не придумывал летосамов.

Говорят, он работает в банке или на консервном заводе.

Говорят, у него уже двое маленьких мурок. Мало ли что говорят!

Но мы-то с вами знаем.

Знаем.

Каждую ночь, когда круглая и мягкая спит, он выходит на балкон, пьет холодный воздух, быстро-быстро двигает руками.

Раз.

Два.

Три.

Он закрывает глаза, но ничего не придумывается. Он малодушно смотрит вниз.

Плюет.

Вспоминает про квартальный отчет. Возвращается в кровать.

И думает, что летосама просто не было.

осень 2005 года

Трехстраничный роман

Предисловия не будет!

Автор – подлец, подслушавший и подсмотревший. Нет, не в замочную скважину, а в честное лицо чужого монитора. Автор не имеет никаких прав и потому совершенно не догадывается, чем все это кончится.

И, наконец, им, в здравом уме и в доброй памяти, N-раз была нарушена священная тайна переписки.

Исходя из всего вышесказанного, автор заочно приговаривается к высшей мере.

Аминь.

13.01.2005.

Здравствуй, Макс.

«Я очень устала...»

Жизнерадостное начало, не правда ли?

Я соврала, когда сказала, что не изменилась. Я – состарилась. Знаешь, морщины изнутри куда больнее. Я рада, что ты счастлив. Ты – человек с оголенной сердцевиной, поэтому тебе совершенно необходима семья.

Что касается меня, то тут ничего интересного. Пишу.

Недавно обручилась.

Замужество?.. Но что может быть глупее свадьбы? Тем более, для меня.

То, что хочу тебя видеть, правда. Зачем, откровенно не знаю.

Возможно, это начинающаяся шизофрения. Если хочешь, ответь...

Нет! Знаю!

Хочу видеть, потому что

а) рыжий-рыжий;

б) талантливый сверх меры (прямо как я)

Прощай.

14.01.2005.

Я не мог бы тебе не ответить. Не мог бы тебе не ответить. Знаешь, если бы у меня была идея – написать что-то большое – роман с героем и героиней – как у Бальзака. Ты могла бы быть героиней, но такой героиней, к которой не может быть героя. Для меня ты всегда останешься чем-то несколько приоткрывающим завесу более близкого, родного, более моего, чем всё остальное, холодное и немое и будничное, надоевшее до ужаса и оставшееся во всём. Встретимся, обязательно встретимся, ведь по-другому быть не может, и – все равно наши пути будут пересекаться – думаю, это так. Должно, я тоже постарел. Я тоже утратил способность просто летать – не задумываться, и, казалось, я знаю, что такое быть. И что такое эта старость – живущая где-то в венах, в крови где-то живущая и огромная как бессонница, в которой всё так мерзко, что хочется ковырять себя чем-то острым, чтобы не слушать собственных мыслей. Сплошная ночь – даже днём – в которой всё как-то увеличено и реально до невозможности. Эта бессонница и жажда, не жизни, не литературы – а подлинности, естественности, ненаигранности и чего-то такого людского, о чём, казалось, можно говорить только шёпотом. Женя, не знаю даже что говорить, как думать – это ведь Он, тебе ведь раньше казалось, что это Он. И что с Ним – это всё, и вся ты – это нечто покорённое, принадлежащее, зависящее от него. Но Ты не можешь быть покорной. Тебе нельзя жениться. Тебя за всё нужно прощать, абсолютно за всё, за все падения – которые на самом деле являются просто частью тебя. Женя, или прими – и уживись или – отвергни. Если ты примешь, то это жертва. Жертва всей твоей минувшей жизни и всей тебя для Него. Это разделение его мыслей, его чувств, его увлечений. Это постоянное терпение (минимум!). Женечка, Женя, это ЭТО так сложно на самом деле. Для этого надо просто очень сильно любить – любить, зная, что не существует отдельной тебя, а только Ты и Он. К чёрту всё это. Это ведь в идеале всё.

Так ведь в книгах только, а мы не дышим книгами. Давай встретимся. Хочу видеть. Хочу посмотреть. Кажется – не расставались даже – и кажется – даже не внешность – талант, а остальное такая ме-

лочь! Кажется – не изменилось ничего, а просто, просто мы снова встретимся как поэт и поэт. Макс.

.....
Героиня пролистая строчки, прокусила ненакрашенную губу, задохнулась. Набрала воздуха. Медленно, но неуверенно прочитала... Выдохнула. Открыла девственно чистый документ в Microsoft Word и написала стих.

.....
Когда вы,
красивый и тонкий,
играете сердцем в «кубики»,
я – вся! – превращаюсь в обломки
древнее
Римской республики.

Когда вы,
бессильный и слабый,
хотите со мною расстаться,
Я чувствую смерти лапы,
как чувствовал рифму Надсон.

Опять – чем больней, тем звонче.
Опять – по бедро – в болоте.
Мы будто бы Пара Гончих
на сверхзвуковой охоте.

.....
Героине стих не понравился. Она посчитала количество слогов и с неприязнью убедилась, что ритм соскальзывает. Помучила немного «Буфер обмена». Ритм упрямился. Героиня, оправдывая свое наименование, «выделила все» и нещадно «вырезала».

.....
17.01.2005.

Я.
Как странно звучит это слово!
Звучит, как начало стиха...

Начинаю тебе писать, а слова сами собой попадают в ритм. Мне кажется, это похоже на состояние кататонии, когда все тело сводит единой судорогой.

Ты! А какой ты?

Было, когда казался слабым, было, когда казался пророком... А теперь? Мы оба слегка постарели и должны были б поумнеть. Но разве поэты могут умнеть? Разве они это умеют? Мы обязаны с подлинной наивностью наткнуться на несуществующие стены. И удивляться. И пытаться прошибить. Если не так – значит, не Поэт, а литератор-rrrrrrrrr!

Как кошка, нет, как детеныш рыси. Рычу на весь мир и не понимаю, что сама-то умещаюсь на ладони. А еще я не понимаю себя. Я счастлива только в запредельном состоянии (грозы, ливня, отпущенного на свободу напалма). Чем больнее, тем звонче. Помнишь? Вот. Но зато когда и золы не остается, мне нужен вполне земной Спаситель. Опасная Глупость, не правда ли?

Наверно, ты пытаешься вдуматься, и потому удвоенно вглядываешься в экран, слегка ероша свои недопричесанные пряди. Жаль, что они теперь так коротки. Знаешь, если б роман писала, я б сделала тебя немного похожим на Митю – твоей особенной, впечатлительной раздвоенностью, такой же, как и у Бунина – и на полковника Аурелиано – не знаю, кстати, почему. И обязательно была бы героиня, тебя нужна Героиня. И весь-то ты, тонкий и немного нервный, был бы Гением каждой своей молекулой.

Забавно, Макс, забавно и грустно.

Мы не расставались. Мы не могли бы. И не только не внешность, но даже и не талант.

Мы – перекресток. Перекресток из двух перекладин креста.

Может, это говорю не я, а мои 37,7. Но ты, ты – поймешь, и потому ответишь.

Женя.

.....
Что ответил ей Герой? Этого автор не знает. Наверное... Но какое здесь может быть «наверное»!

Итак, поступки и мысли Героя автору неизвестны.

Но Героиня...

Героиня ждала. Ждала и...

Мертвая ночь, как скелет ископаемых,
вдруг завертелась, забилась, задержалась.
Месяц упал.
И с улыбкою Каина
начал разглядывать неба потертости.

Кто-то кому-то молился по памяти,
шлялись архангелы с видом уборщицы...
Месяц споткнулся и выпалил:
«Знаете,
весь этот бред НИКОГДА не кончится!»

Я же молчала.
Влюбленная самая,
выбила звездами два предложения:
– Ты позвонил!
Начинаются заново
старого сердца простые движения!

Пока Героиня ждала, пришел неизвестный ей Некто. Некто приходился автору зазнобой, то ли бывшей, то ли будущей. Он сурово просмотрел шпионеренную автором переписку и посоветовал поиметь совесть. Автор согласился – тем более что совесть ему приходилось иметь регулярно – и попробовал заняться сочинительством.

Повесть о нестоящем человеке

Человек действительно не стоял.
Он покачивался, просвечивался и отражал. Первым его обнаружила я. Но промолчала. Из природной застенчивости.

Потом его заметили остальные. Заметили и начали бить. Не за что-то, а для компенсации. Согласитесь, неприятно, когда тебя отражают.

А еще он любил. Не то чтобы очень, но все-таки меня.

Он приходил по утрам и заценивал свои новые трещинки. Я восхищалась – им, он – собой. Мы были счастливы. Пока он не начал умирать.

Умнел он со вкусом, постепенно и расчетливо.

Сначала он постригся. Да-да. Он остриг свои лучистые, 925 пробы волосы.

А потом он женился. Или наоборот. Я точно не помню.

Из ночи в ночь, из суток в сутки он начал тускнеть.

Так и тускнел, пока не исчез...

Я... а я проплакала подряд три страницы и начала искать того, кто еще не разучился отражать.

январь 2005 года

Содержание

Тексты

Гарсия Лорка	7
Питерское	8
«Лист тянется к земле под тяжестью родства...»	10
Аэропортрет	11
«Стамбул...»	12
Выздоровливаю	13
Поэтово	14
Примитива L	16
Похороны рассвета	18
О чем молчал ветер	20
Не-Гойя	21
Николаю Гумилеву	22
Екклесиаст	23
Панель	24
«Когда солнце полнит живот...»	25
Богема.....	26
«Не взрослою...»	27
Смерто-убийство.....	28
Мама или отсутствие смысла	29
Занавес	30
Пушкиниада	31
Истерика	32
Недостих	33
Любови. Любочки. Любятя	34
«Поезд в прорезь...»	35
«Нежность и ненависть – сей союз...»	36
Иуда-изм.....	37
«Опять Январь...»	38
«Нас забудут, кукушка...»	39
Крысолов	40
Любовь к богатым	41
«Как всякий выбор бессюжен»	42
Гроза	43
Демократия	44
«Я сделала глупость...»	45
Марш победителя.....	46

«Жизнь превращается в тесный клубок»	47
Поэтохроника	48
Лимоновая лирика	49
Повторение пройденного	50
«Давай мы простимся сейчас...»	51
Наличие дома нужней, чтобы туда не писать	52
«Октябрь...»	53
«Вода – пришла...»	54
«Никогда не поймёшь...»	55
«Мертвыми ладонями не выхлебать реки...»	56
«Станция: осень-зима...»	57
«Белая, бездонная, бездомная вода...»	58
«Никто...»	60
«Я не циник...»	61
Парфюмер	62
«И кого мне теперь вспоминать?»	63
«Как много лирики!»	64
Разговор со смертью	65
«Моя вечность живет в разговорах...»	66
«А рукопись горит...»	67
«Никто не понял...»	68

Поэтические циклы

Четыре не меня	71
Моль	74
Путешествие из	77

Проза

Вишневый	83
Дело мастера	85
Стигматы	86
Вечер. Девушка. Туберкулез	88
Тринадцать минут из жизни ToToPo	90
Летосам	91
Трехстраничный роман	93

Литературно-художественное издание

Баранова Евгения

Зеленый отсчет

переиздание

ISBN 978-5-905277-49-8

Компьютерная верстка	Михаил Капкин
Дизайн, концепция Елена Беляева	Евгения Баранова
Подбор материалов	Евгения Баранова

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»
142400, Московская обл., Ногинск, ул. Рогожская д. 7
<http://www.publishing-vak.ru>
analitikarodis@yandex.ru
+7 915 056 9894, +7 919 858 0211

Подписано в печать 05.11.2014
Печать офсетная. Формат 60×84¹/₁₆
Тираж 100, Заказ 43

*Евгения
"Джен"
Баранова*

РОДИЛАСЬ 26 МАРТА 1987 ГОДА.
ФИНАЛИСТ ИЛЬЯ-ПРЕМИИ'2006.
2-Я ПРЕМИЯ НА МЕЖДУНАРОДНОМ ЛИТ.
КОНКУРСЕ "СЕРЕБРЯНЫЙ СТРЕЛЕЦ" 2008.
3-Я ПРЕМИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ЛИТ.
КОНКУРСА "СОГЛАСОВАНИЕ ВРЕМЕН" 2010.
2-Я ПРЕМИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА
КОРОТКОЙ ПРОЗЫ "СТОСЛОВИЕ" 2010.
ДИПЛОМАНТ МЕЖДУНАРОДНОГО ЛИТ.
КОНКУРСА "ЛУЖАРСКАЯ ДОЛНОЧЬ" 2013.
АВТОРСКИЙ САЙТ — NOAGOA.ORG.UA

ISBN 978-5-905277-49-8

9 785905 277498